

Василий Заботин

Медновеллы

о любви и предательстве

УДК

ББК

3-12

Заботин, В.

3-12 Медновеллы о любви и предательстве. – М.: Издательство «Книга по требованию», 2013. – 162 с.

ISBN

Книга печатается в авторской редакции.

© В. Заботин, 2013

© Lennex corp., 2013

Предисловие

Он действительно доктор наук и медицинский профессор – писатель Василий Заботин.

В биоценозе Планеты Земля медицина его новеллами высвечена как некое вселенское предопределение, в котором люди и звери – сиюминутные лицедеи эпохального реалити-шоу.

Этот образный посыл в потоке валовой книжной продукции достоин сепарации, тщательной расшифровки и сенсорной ассимиляции.

Для каждого, кому волею судеб все-таки доведется войти в его ауру и запеленговать там чистую любовь, неувядаемую надежду и святую веру в общечеловеческое добро, бескорыстный гуманизм и высочайшую справедливость.

*Эльвира Серая,
поэтесса*

Антиалкогольная история кота Рысса

Я последние пять лет летал первым пилотом на международных авиалиниях.

По состоянию здоровья меня списали с полётов, и я стал работать авиадиспетчером на аэродроме.

Надо сказать, что не воздушная, а земная моя личная жизнь именно в эти пять лет совсем перестала ладиться. Супруга, как и почти все жены лётчиков-реактивщиков, налетавших достаточно большое количество часов, была постоянно недовольна моими мужскими способностями, а когда я с горя стал поддавать, и вовсе во мне разочаровалась.

А после того, как я перестал летать, приносить в доме хорошие деньги и напрочь перешёл в диспетчеры, — в её понимании — в низшую воздушную касту, вскорости нашла себе молодого любовника, и мы разошлись.

По альтернативному обмену разменяли нашу двухкомнатную квартиру в Москве на однокомнатную — ей с дочкой и на комнату в коммуналке — мне.

Мебель почти всю и холодильник с телевизором я отдал жене с дочерью, и кошку Яну, мою любимицу, жена тоже забрала с собой.

Я стал ещё сильнее выпивать, и начальство попросило меня по-хорошему перейти в службу аэродрома — охранником.

Посодействовали, по старой памяти, — в переобучении, и я стал постовым охранником на территории аэродрома — там, где охранное начальство меня поставит охранять то, за чем смотреть и надзирать мне будет предписано.

Бывшая жена, когда мы с ней ещё не расходимся, — уже тогда дочку против меня настроила, и я по её девичьим делам и проблемам с ней почти не общался. Так, папка жив и здоров, маме деньги отдает исправно,

иногда интересуется — как учёба и как вообще дела. А большего, вроде бы ничего и не надо.

Главное, — не лезет в девичью душу и не пристаёт с глупыми вопросами: что, да как, да почему. И не лезет с никому не нужными указаниями: с кем дружить, да с кем встречаться или вообще не встречаться.

Когда официально расторгли наш брак и разъехались по разным квартирам, жена даже звонить мне по телефону перестала.

Совсем обо мне забыла, будто меня и никогда не было на её небосклоне.

Дочка иногда позванивала по телефону: «Ну как ты там, папка? Не скучаешь о кошке Яне? А она тут о тебе жутко скучала. Но сейчас, вроде бы, успокоилась, и о тебе забыла».

«Нет, дочка, мне ничего не надо, лишь бы у тебя самой всё было хорошо. Заехала бы как-нибудь к отцу в гости...»

Да ей всё некогда: она поступила в институт международных отношений, всё время отдаёт учёбе, и уже теперь почти в совершенстве знает английский и немецкий языки и всерьёз сейчас занимается итальянским и французским.

Интересно очень — как сложится её личная жизнь?

А я регулярно высылаю ей деньги на факультативные языковые занятия и на разные модные наряды — она у меня теперь почти уже невеста.

На следующий год им предстоит стажировки в Италии: перелёт туда-обратно, проживание и питание — бесплатное, за счет института. А вот за учёбу там придётся платить: гони, папка, денежки! Не выпей лишней поллитры в нелётный на дворе, или просто свободный от лётных воспоминаний день.

Частая, для успокоения души, выпивка, постепенно стала переходить в привычку. Неустроенность быта

усугубляла проблему, и когда я однажды, похмелившись перед работой, не удержался на грани резвости, меня попросту списали в тираж – выгнали с аэродрома на улицу.

Ну и что?

Я перестал каждый день ездить на аэродром в электричке и полностью обосновался в Российской столице Москве.

С трудом, но устроился охранником в продовольственную сеть «Авоська» и стал, регулярно поддавая, но не переходя грань, коротать во времени своё одиночество. Мне ещё только сорок с гаком, здоровье не особо барахлит, и жилплощадь у меня своя есть. Да только женщины подходящей мне всё не доводилось встретить.

Нет, прищмандовки, конечно же, были. И в избытке: продавщицы из «Авоськи», из расположенных рядом «Семейной выгоды» и «Пятерочки», фармацевтки из близлежащих аптек и всякая другая рыночная шваль. Но это всё не то, совсем не то.

Ну чем дома одному-одинёшеньку ещё заняться?

Телевизор смотреть?

Так его ещё купить надо.

А вообще-то я всегда имел отвращение к этому «глупому ящичку для идиотов» – как пел в своё время Владимир Высоцкий.

Тошно и противно смотреть всю эту телевизионную чушь и дешёвый выпендрёж телеведущих.

А до футбола я и с мальчешства был не большой охотник.

Погоду, так ту по радио можно хорошо послушать промеж выпивоном лёгким.

Однажды, зимой в пешеходном переходе я прикупил маленького, месяцев, эдак одного-двух от роду, трёхцветного котёнка. Трёхцветные кошки, по народному поверью, счастье и радость в дом приносят.

А счастья-то и радости в моей коммунальной комнатушке теперь даже днём с огнём не сыщешь. Пустые водочные бутылки найдешь, а радости и счастья не сыщешь.

Скука и тоска, да водяра в одиночестве – вот и вся моя жизненная им альтернатива.

Была зима, холодно, и я за пазухой притащил котёнка домой. Он оказался мальчиком, сразу же, дрожа всем телом, полакал молочка из блюдечка, тоненько замыкал и поковылял по комнате – осваивать жизненное пространство и искать себе место для сна.

Я сидел за столом и поддавал в охотку, приглядывая за ним.

Он неуклюже, но упорно, цепляясь за свисающую к полу простынь, сначала пытался вскарабкаться на кровать. Полезет-полезет, сорвётся и шмякнется об пол. Помяукает жалобно, и опять упрямо лезет и снова срывается.

Я встал из-за стола, взял его в ладошку, погладил и посадил на кровать – пусть играет или спит.

Я уже про себя дал ему имя «Рысс». Так когда-то звали мы с женой моего первого в жизни домашнего котёнка, а щенка.

Но это уже отдельная и трогательная давняя-давняя история моей ранней лётной молодости.

Я тогда в подарок молоденькой супруге из Иркутска, по случаю на борт в обратный рейс прихватил очень необычного с вида, серого симпатичного маленького щеночка. И прямо в небе, за штурвалом придумал ему необычное, ассоциативно у меня связанное с Дальним Востоком, имя – «Рысс». Вот, думаю, когда вырастет, будет в моё отсутствие, охранять мой дом и молодую жену как мощная, хитрая и верная своему логову рысь.

То-то радости дома было. Жена с ним, как с малым дитём возилась: кормила, поила и водила гулять. А он подрос и когда ему что-то не понравилось – здорово

жену покусал и во дворе бабке юбку порвал и за ногу цапнул, когда она от него побежала.

Я прилетаю домой, мне жена всё это рассказывает, я начинаю его дрессировать, а он меня за руку зубами цапнул. По-настоящему, до крови, больно укусил.

Понесли его в ветлечебницу, а там говорят: «Это не к нам. Это вам в зоопарк надо. Он у вас не собачка, а волченок».

Так в зоопарк и отдали.

Потом с женой ходили в зоопарк его смотреть – да разве узнаешь среди волчат в вольере?

Мы его по имени звали: «Дик, Дик! Дикуша, Дикуша!» А он так и не откликнулся.

Вот такая история. Вроде как бы о современном сибирском Маугли.

Кому – смех, изумление, а жене – слёзы.

Так это всё, давно и невозвратно, в моей теперь одинокой жизни было.

Хотя нет! Почему – «одинокой»?

Мы теперь вдвоём: я и Рысс, резвый котёнок и третий наш семейный друг – бутылка...

Я вернулся обратно к столу и стал продолжать, вроде как бы по маленькой и в плепорцию поддавать, закусывая чёрным хлебушком с варёной колбасой, по меткому прозвищу «собачья радость».

Рысс затих и заснул на шерстяном одеяле. Ему было тепло и комфортно в моей койке.

И мне было тоже комфортно за моей неспешной выпивкой.

Покирял, поднабрался, двинулся спать: ёшкин кот! Рысс втихую описал моё одеяло.

Вот поганец!

Как теперь одеяло замывать? В кухне – соседи по коммуналке! Что обо мне подумают? Обоссался, облевался с бодуна?

Как это в народе философски меж собой говорит: «Всё может быть, всё может случиться. И пьяному нетрудно обоссаться».

И где потом одею сушить?

Балкона в моей комнате нет!

И чем укрываться на сон грядущий?

Вот уж действительно: «не было печали, да черти накачали!»

«Не было хлопот и забот, да купила себе Дунька поросю».

А куда теперь мне деваться? И что с котёнком делать?

А ничего не делать, если сам во всём виноват.

Пить надо меньше. А вообще, зачем я, дурак, котёнка взял!

Ведь за ним смотреть и ухаживать надо. Есть давать, играть, ласкать, брать на руки.

Да и шалить он наверняка будет: в тапки прятаться, а потом – и тапки таскать, на обеденный стол прыгать, свои кошачьи концерты мяуканьем давать – от веселото будет!

Не жизнь – малина!

И, главное, – всё это мы уже проходили с прежней моей Яной.

Урок не пошёл впрок.

А, впрочем, – нет: очень даже пошёл, хотя я и был сильно «под шефе», я взял маленький пластмассовый лоточек, подходящий Рысу для отправления естественных надобностей, выжал на дно его капельки кошачьей мочи с мокрого одеяла, размазал их по всему доньшкю лотка и начал дрессуру.

Взял Рыса двумя пальцами за шкуру, как мама-кошка это делает зубами потряс, потыкал мордочкой в мокрое пятно на одеяле, слегка побил указательным пальчиком по попе у основания хвоста: «Не-льзя, Рысс Нель-зя! Нель-зя!»